

Таким образом, контрастивный анализ глаголов в чешском, белорусском и русском языках еще раз показал, что отдельные значения глагола всегда обусловлены особенностями его семантической, лексической и синтаксической сочетаемости.

Библиографические ссылки

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. М. : Языки славянской культуры, 1995.
2. Апресян Ю. Д. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М. : Языки славянской культуры, 2004.
3. Норман Б. Ю. Универсальное и специфическое в синтаксических моделях славянских языков. Минск : Университетское, 1988.
4. Machová S. Jemné proměny české věty // Sborník prací filozoficko-přírodovědecké fakulty Slezské univerzity v Opavě. Řada jazykovědná (D2). 2002. S. 33–40.

ПРОСТО ИЗУМИТЕЛЬНО! ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ЭМОЦИИ УДИВЛЕНИЯ, ЗАФИКСИРОВАННЫЕ ВО ВНУТРЕННИХ ФОРМАХ СЛОВ РУССКОГО И БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКОВ

А. И. Ковалева

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, kowalowa_anna@mail.ru*

Статья посвящена проблеме интерпретации компонентов ситуации удивления в русском и белорусском языках. На материале внутренних форм слов, именующих компоненты ситуации удивления, проведен анализ общего и различного в ее языковом представлении. Определены типы внутренних форм, реализующих межъязыковые отличия, выделены мотивирующие признаки, характерные для уникальных внутренних форм русских наименований.

Ключевые слова: внутренняя форма слова; удивление; метафора; русский язык; белорусский язык.

Внутренняя форма слова (далее – ВФ) – это средство аккумуляции знаний носителей языка об объекте номинации. По этой причине анализ внутренних форм слов, именующих некоторый объект внеязыковой действительности в разных языках, служит надежным инструментом сопоставления фрагментов языковых картин мира.

Удивление – это базовая эмоция, основанная на нарушении вероятностного прогноза, презентующая субъекту противоречие между новым знанием и его прошлым опытом [1, с. 4, с. 75], возникающая в результате событий, которые, с точки зрения человека, ее испытывающего, не соот-

ветствуют нормальному, обычному ходу вещей и, как следствие, интерпретируются как невозможные, недостоверные [2, с. 43].

Подобие генетически родственных и структурно близких русского и белорусского языков рождает вопрос о том, присутствует ли во внутренних формах единиц, принадлежащих к лексическим системам указанных языков, различие во взгляде на объекты номинации. Универсальность эмоции удивления позволяет рассмотреть особенности ее репрезентаций в русском и белорусском языках в сопоставительном аспекте.

В данной работе материалом исследования послужили слова русского и белорусского языков, именующие элементы ситуации удивления. Изучение данной лексики было направлено на выявление особенностей представления эмоции удивления в структуре слов посредством их внутренних форм. Сконцентрированность исследования именно на эмоции удивления задала рамки изучаемому материалу: анализу не подвергались лексические единицы, содержащие в своем значении указание на неконкретизированное чувство (например, бел. *анямець* ‘застыць у нерухомасці пад уплывам якога-н. пачуцця, замерці’), а также слова, значения которых указывают на потенциально возможное удивление, однако не содержат в своем составе семы ‘эмоция’ (рус. *причуда* ‘странное чудачество, прихоть, каприз’).

В группе единиц, описывающих ситуацию удивления в русском и белорусском языках, можно выделить следующие микрогруппы: слова со значением ‘заставлять испытывать удивление’, ‘испытывать удивление’, ‘каузатор удивления’.

Мотивированные единицы, характеризующиеся общим значением ‘заставлять испытывать удивление’, в русском и белорусском языках подчеркивают две одинаковые характеристики. Во-первых, способность удивить расценивается носителями обоих языков как способность сделать что-то необычное, представить человеку, испытывающему эмоцию, нечто в виде дива: рус. *дивить*, *удивить*, *удивлять*, *подивить* имеют ВФ *диво* ‘то, что вызывает удивление, чудо, диковина’, бел. *дзівіць*, *здзівіць*, *здзіўляць*, *падзівіць* основаны на ВФ *дзіва* ‘нешта незвычайнае, тое, што выклікае здзіўленне’.

Во-вторых, эмоция удивления в современной психологии описывается как реакция на внезапное, неожиданное событие, проявляющаяся в том, что «разум как будто становится пустым, все мыслительные процессы как будто приостанавливаются» [3, с. 190]. Эта особенность удивления была давно осмыслена носителями русского и белорусского языков и запечатлена в метафорических ВФ: рус. *ошеломить*, *ошеломлять* (ВФ – *ошеломить* ‘сильным ударом по голове притупить сознание’), рус. *оглушить*, *оглушать* (ВФ – *оглушить* ‘сильным ударом по голове

лишить сознания’) и бел. *ашаламіць, ашаламляць* (ВФ – *ашаламіць* ‘аглушыць мощным ударам па галаве’), *аглушыць, аглушваць* (ВФ – *глушыць* ‘мощным ударам па галаве пазбавіць прытомнасці’). В русском языке зафиксировано также прямое указание на временное исчезновение ума у человека под воздействием удивления: *изумить, изумлять* (ВФ – *ум*).

Русские лексические единицы содержат и указания на полную – не только когнитивную, но и телесную – парализацию человека под воздействием резкого воздействия каузатора удивления. Исходя из ВФ русских слов, удивить – значит убить или побить: рус. *поражать, поразить* (ВФ – *поразить* ‘нанести удар оружием, убить’) и рус. *ошарашить, ошарашивать* (ВФ – *шарахать* ‘неожиданно сильно ударять, бить’).

ВФ слов, именующих состояние удивления, в русском и белорусском языках сходны и подают его как результат действий того, кто удивляет: рус. *удивиться, удивляться, удивление, дивиться, дивоваться, подивиться, поражаться, поразиться, изумиться, изумляться, изумление, изумленный, изумленность, изумленно, ошеломление, ошеломленный, ошеломленно, ошеломленность*; бел. *дзівіцца, дзівавацца, здзівіцца, здзіўляцца, здзіўленне, падзівіцца, здзіў* ‘дзіва, здзіўленне’, *дзіва* ‘здзіўленне’, *ашаламіцца, ашаламленне*. В русском языке линия, намеченная в наименованиях, объединенных семьей ‘удивить’, указывающая на временное отсутствие ума у удивленного человека, повторяется и в наименованиях со значением ‘удивиться’. В сознании русскоговорящих удивленный человек предстает как некто с недостатком ума – рус. *недоумеваает*, испытывает *недоумение*, является *недоумевающим* (ВФ – *ум*).

Наименования каузаторов удивления широко представлены в русском и белорусском языках и включают в себя названия лиц, способных спровоцировать удивление, объектов, которые могут удивить, а также качеств, порождающих удивление.

Некто, способный вызвать удивление, как в русском, так и в белорусском языковом сознании представляется как человек, который совершает странные, нелепые поступки, дурит: рус. *чудак, чудачия, чудасия, чудачка, чудачина, чудачиха* (ВФ – *чудить*), бел. *дзівак, дзівачка* (ВФ – *дзівачыць*). Особенность семантики данных слов, тяготеющей к отрицательной оценке, стимулировала словообразовательную активность русскоязычных номинаторов, в результате которой появились рус. *чудодей, чудодейка* и *чудодород*, которые, как и вышеуказанные единицы, подчеркивают способность живого каузатора удивления создавать чудеса (ВФ – *деять чудеса* и *рождать чудеса*).

При номинации объекта, способного вызвать удивление, носители русского и белорусского языков выбрали одинаковый эталон – почти нереальный результат действия волшебных сил (рус. *чудо* – ВФ *чудо*

‘сверхъестественное необъяснимое явление, вызванное волшебством’, бел. *цуд* – ВФ *цуд* ‘невытлумачальная з’ява, якая выклікаецца чарадзействам’). Тот же самый признак – невозможность существования объекта или события – подчеркивается ВФ русских слов *диковина*, *диковинка* ‘редкая, необыкновенная вещь, вызывающая удивление’ (ВФ – *дикий* ‘невероятный, немислимый’) и *невидаль*, *невидальщина* ‘что-то небывалое, невиданное, редкое, достойное удивления’ (ВФ – *не видеть*). Так же, как и при наименовании состояния удивления, нечто, вызывающее его, расценивается русским языковым сознанием как что-то, лишаящее человека способности четко мыслить: рус. *умопомрачение* ‘нечто необыкновенное, изумляющее, поражающее’ (ВФ – *ум помрачить*).

И в русском, и в белорусском языках качества, которые провоцируют удивление, осмысляются прямо как свойство быть удивительным (рус. *удивительный*, *удивительность*, *удивительно* (ВФ – *удивить*), *поразительный*, *поразительно* (ВФ – *поразить* ‘произвести сильное впечатление; удивить, изумить’), *изумительный*, *изумительно* (ВФ – *изумить*), *дивный*, *дивно* (ВФ – *дивить*) и бел. *дзіўны*, *дзіўнасць*, *дзіўна* (ВФ – *дзівіць*)) и метафорически как нереальные, невозможные (рус. *фантастический*, *фантастичный*, *фанатстично*, *фантастически* (ВФ – *фантастический* ‘являющийся плодом фантазии, воображения’), бел. *фантастычны* (ВФ – *фантастычны* ‘прсякнуты фантастыкай, заснаваны на фантастыцы, на казачных матывах’)).

В уникальных для русского языка ВФ наименований качеств, порождающих удивление, повторяются те же направления мысли номинатора, которые прослеживаются в выше рассмотренных словах. Это *невиданный*, *невиданно* (ВФ – *не видеть*), *умопомрачительный*, *умопоразительно*, *умопомрачительность* (ВФ – *помрачить ум*). Только в русском языке присутствует слово, ВФ которого указывает на потерю человеком контроля над собственным физическим состоянием, провоцируемую данным качеством: рус. *сногшибательный* (ВФ – *сшибать с ног*).

Проанализированный материал позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, русский и белорусский языки на уровне ВФ слова сохраняют неидентичные представления об универсальной для человека эмоции удивления. Причем уникальные ВФ найдены только в лексике русского языка, что во многом связано с тем, что в русском языке лексических единиц, именующих компоненты ситуации удивления, значительно больше, чем в белорусском.

Во-вторых, представления, зафиксированные во ВФ слов, называющих компоненты ситуации удивления в белорусском языке, присутствуют и в русском. Как в русском, так и в белорусском языковом сознании удив-

ление описывается следующим образом. Удивить – значит совершить нечто, вызывающее удивление, и как будто лишить удивляемого человека ума посредством сильных ударов по голове. Действие *удивиться* – это результат действия *удивить*. Человек, способный удивить, совершает странные, нелепые поступки, дурит. Нечто, вызывающее удивление, не может существовать в этом мире, оно нереально. Качество подобных объектов трактуется как их способность удивлять, а также их нереальность.

В-третьих, уникальность ВФ русских слов связана как с мотивирующими признаками, которых нет в белорусских лексических единицах, так и с их особой интерпретацией. Только из ВФ слов русского языка можно узнать следующее:

- ◆ удивляя, человек лишает другого контроля не просто над когнитивными процессами, но и над физическим состоянием, будто бы побив или убив (рус. *поразить, поражать, ошарашить, ошарашивать*);

- ◆ удивиться самому – значит испытать недостаток ума (рус. *недоумевать, недоумение, недоумевающий*);

- ◆ свойство быть удивительным действует на человека так сильно, что лишает его разума (рус. *умопомрачительный, умопомрачение*) и физического контроля над собой (рус. *сногшибательный*).

Еще интереснее оказываются случаи, в которых русское и белорусское языковое сознание сохранило во ВФ общие мотивирующие признаки, но интерпретировало их по-разному. В русском языке, как и в белорусском, действие «удивлять» сравнивается с ударами по голове и, как результат, с лишением ума (метафорическая ВФ), но в русском языке есть и прямое указание на его лишение (рус. *изумить, изумлять* – прямая ВФ). Только в русском языке нереальность того, что удивляет, описывается посредством ВФ как то, что невозможно увидеть в окружающем мире (рус. *невидаль, невидальщина*), и то, в существование чего в этом мире невозможно поверить (рус. *диковина, диковинка*). Нереальность качества «быть удивительным», помимо метафорического способа вербализации, который присутствует и в белорусском языке (рус. *фантастический*, бел. *фантастычны*), по-русски передается также прямо посредством указания на то, что данное свойство нельзя увидеть в жизни (рус. *невиданный*).

Таким образом, русский и белорусский языки демонстрируют неидентичное восприятие ситуации удивления на базе ВФ слов, именующих ее элементы. Уникальные ВФ присутствуют только в словах русского языка. Разница во ВФ данных названий создается как за счет выбора мотивирующих признаков, не характерных для белорусского языка, так и по причине иного, не запечатленного в словах белорусского языка восприятия одних и тех же характеристик именуемого объекта. Все уникальные ВФ

русских лексических единиц, не обусловленные различием мотивирующих признаков у русских и белорусских номинаций, являются прямыми.

Библиографические ссылки

1. Дорофеева Н. В. Удивление как эмоциональный концепт: на материале русского и английского языков : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Кубанский гос. технологический ун-т. Краснодар, 2002.

2. Сергеев А. И. Контрастивно-семантический анализ концепта «удивление» в русском и немецком языках: на материале произведений Н. В. Гоголя и Э. Т. А. Гофмана : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Моск. гос. обл. ун-т. М., 2004.

3. Изард К. Э. Психология эмоций. СПб. : Изд-во «Питер», 2006.

МОДЕЛИ МЕТАФОРИЗАЦИИ ЦИКЛИЧЕСКИХ ОТРЕЗКОВ ВРЕМЕНИ В РУССКОМ И ИСПАНСКОМ ЯЗЫКАХ

Т. В. Корбачёва

*Минский государственный лингвистический университет,
ул. Захарова, 21, 220034, Минск, Беларусь, corbatan@rambler.ru*

Статья посвящена исследованию когнитивных аспектов экспликации темпоральных смыслов в языке представителями русской и испанской лингвокультур. Выявляются модели метафоризации периодически повторяющихся промежутков времени, представленных в языке циклическими именами.

Ключевые слова: время; темпоральный лексический цикл; концептуальная метафора; русский язык; испанский язык.

Проблема связи языка и мышления с давних пор привлекает внимание философов, психологов, лингвистов. В центре внимания исследователей стоят вопросы роли языка в познании, структурировании и объяснении мира, поиск универсальных и национально специфичных когнитивных моделей интерпретации фактов действительности носителями разных языков. В современной когнитивистике в качестве одной из основных ментальных операций, при помощи которой человек выражает свои мысли и создает тот мир, в котором он живет, рассматривают метафору (Дж. Лакофф, М. Джонсон, Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова и др.). В метафоре видят «ключ к пониманию основ мышления и процессов создания не только национально-специфического видения мира, но и его универсального образа» [1, с. 6]. Сопоставление выработанных носителями разных языков концептуальных моделей представления универсальных для всего человечества категорий, к которым относится время, позволяет выявить «специфичный взгляд на мир – взгляд, являющийся результатом того, в частности, что метафорические обозначения